

Когда Сун Луоина унесли, Фэн Дунъюэ взял из рук помощника папку с бумагами. Слушая беглый доклад, он стремительно пролистывал страницу за страницей, точным росчерком перо за пером ставил подписи, после чего велел сотрудникам возвращаться в офис и уладить дела компании.

Юнь Мэнцзэ бегло просмотрел его историю болезни. Слушая, как чётко и хладнокровно тот раздаёт указания, врач недоумевал: ладно ещё психологи-консультанты не имеют права ставить диагнозы, но перед ним стоял человек, чьё расстройство поставило в тупик пять ведущих светил психиатрии. Почему же он выглядит настолько собранным и здравомыслящим?

Подобные случаи — самые коварные. Именно так проявляется высокое функциональное диссоциальное расстройство личности: внешне пациент кажется абсолютно адекватным, обладает впечатляющим интеллектом, высоким социальным статусом и широким кругом общения. Однако внутри — ледяная пустота. Такие люди не способны к эмпатии. Даже совершив чудовищное преступление, они не испытывают ни страха, ни раскаяния, мастерски маскируясь под нормальных людей.

Работать с подобными больными куда сложнее, чем с теми, кто разгуливает по санаторию голышом, носит на голове маску Кумамона или упорно пытается вырыть яму и закопать себя заживо.

Сегодня Фэн Дунъюэ вновь был одет строго и сдержанно, без излишеств. Внимание привлекали разве что наручные часы — необычная модель с чёрным циферблатом, где секунды, минуты и часы отсчитывались тремя рядами золотых цифр, а сквозь изящный ажурный узор проглядывал едва заметный блеск бриллиантов. Утончённая роскошь, спрятанная за показной скромностью.

Когда они остались одни, Юнь Мэнцзэ вспомнил вчерашний разговор и, подделываясь под тон товарища по несчастью, доверительно поинтересовался:

— Ты рассуждаешь абсолютно здраво, дела ведёшь чётко... Совсем не похож на человека с отклонениями. Как ты вообще здесь оказался?

Фэн Дунъюэ отложил бумаги и поднял на него взгляд:

— Ты правда думаешь, я приехал сюда, чтобы дать местным коновалам себя «вылечить»?

«Один из коновалов» в лице Юнь Мэнцзэ лишь бровью повёл:

— А разве нет?

Впрочем, некоторые действительно приезжали в этот «дачный посёлок», дабы поддаться модному веянию: кто-то проходил детокс, кто-то скрывался от долгов и прессы, а кто-то просто

страдал от приступов богатой блажи, подхваченной за компанию.

Фэн Дунъюэ вертел в пальцах карту Таро.

— Веришь в гороскопы? — без особой охоты спросил он.

— Современная психологическая астрология опирается на психоанализ Юнга, — уклончиво ответил Юнь Мэнцзэ. — В этом есть доля рационального зерна.

— Моя племянница помешана на этой теме, — продолжал Фэн Дунъюэ. — Каждая наша ссора заканчивается её криками о том, что мой знак зодиака — её заклятый враг и нам на роду написано враждовать. Но ведь заклятый враг обычно один, верно?

Юнь Мэнцзэ внимательно выслушал и кивнул.

— Но у неё-то знак один. Как она может враждовать со всеми двенадцатью?

— Однако один человек не может совмещать в себе сразу двенадцать знаков зодиака, — заметил врач.

Фэн Дунъюэ многозначительно ухмыльнулся:

— Один человек — разумеется, нет.

В медицинских заключениях Фэн Дунъюэ Юнь Мэнцзэ уже встречал упоминания о подозрении на диссоциативное расстройство идентичности — иными словами, расщепление личности, сопровождающееся тяжёлым бредовым синдромом.

Бред у всех проявляется по-разному, и его сюжеты порой принимают поистине фантазмагорические формы. Здравомыслящему человеку не понять, почему бредовая идея закрутилась вокруг двенадцати знаков зодиака, а не двенадцати апостолов, богов Олимпа, рыцарей Круглого стола или хотя бы двенадцатиперстной кишки.

Юнь Мэнцзэ кивнул в сторону женщины средних лет, сидевшей неподалёку:

— Когда та дама только поступила к нам, она твердила, будто кто-то пытается завладеть её телом. Позже диагностировали многократное расщепление личности. У тебя бывает нечто подобное? К примеру, приходишь в себя в незнакомом месте, осознаёшь, что совершил нечто совершенно тебе несвойственное, но как там оказался и зачем — не помнишь?

Фэн Дунъюэ одарил его сочувственным взглядом — так смотрят на товарища по несчастью:

— Ты слишком глубоко вошёл в роль.

— В какую ещё роль? — с улыбкой переспросил Юнь Мэнцзэ. — Складывается впечатление, будто ты знаешь обо мне буквально всё.

— Не сказал бы, — прохладно отозвался тот. — Я просто знаю, кто ты. Вопрос в другом: знаешь ли ты сам, кто ты такой?

— И кто же я, по-твоему?

— Актёр, играющий врача-психопата в том реалити-шоу.

Юнь Мэнцзэ лишился дара речи.

Значит, в глазах Фэн Дунъюэ он — сумасшедший артист, который настолько вжился в роль врача, что угодил в психушку, но даже здесь продолжает упрямо разыгрывать приём?

— Моя племянница без ума от этой передачи. Жаль только... — Фэн Дунъюэ вновь проявил чуткость и не стал договаривать, дабы не травмировать «коллегу по палате». — Что ж, мне пора к себе. Прошу прощения.

Он вежливо поднялся и удалился. Лишь когда фигура Фэн Дунъюэ скрылась из виду, Юнь Мэнцзэ случайно заметил Гао Шианя, застывшего у окна зала активностей. Тот наблюдал за ними с крайне замысловатой миной.

Ещё утром, сразу после еженедельного собрания, Гао Шиань напевал под нос жизнерадостный мотивчик и пританцовывающей походкой направлялся в зону активностей — понаблюдать за своими подопечными. Настроение у него было светлым, под стать солнечному деньку. Заметив, что его пациент безнадежно продувает в «Дурака» подопечному другого врача, Гао Шиань уже вознамерился стянуть из колоды Большого Джокера и незаметно подсунуть своему горе-игроку, как вдруг увидал санитаров, тащивших Сун Луоина в Зону А.

«Надо же, так быстро отыскали? — проворчал он про себя. — Повезло же этому Юнь Мэнцзэ, чертовски повезло».

Впрочем, со вторым пациентом такой номер не пройдет. Гао Шиань прекрасно знал: Фэн Дунъюэ — фигура первой величины в Синду, гигант бизнеса с невероятно скверным и скрытным характером. И хотя тот обратился за помощью сам, сотрудничать с врачами категорически отказывался. До сих пор никто так и не смог поставить ему внятный диагноз, а двоих специалистов он выставил за дверь после первой же пары фраз.

Каким бы умельцем ни был Юнь Мэнцзэ, если пациент элементарно рот не желает раскрывать, тот бессилён.

И едва Гао Шиань успел потешить своё эго этой мыслью, как взгляд его упал на каменный столик в саду. Напротив легендарного психа восседал Юнь Мэнцзэ. Между ними не ощущалось ни малейшего напряжения — напротив, беседа текла удивительно непринуждённо. Всё происходящее категорически противоречило тому жуткому опыту, который пережил сам Гао Шиань, пытавшийся заговорить с этим истуканом.

Физиономия Гао Шианя медленно перекосилась. Юнь Мэнцзэ тем временем неспешно подошёл к нему и доброжелательно кивнул:

— Доктор Гао, слышал, на утреннем совещании вы так горячо рекомендовали меня на роль лечащего врача для нового пациента? Столько похвальных слов обо мне сказали... Не знал, что вы любите хвалить коллег за глаза.

Гао Шиань поджал губы и выдавил:

— Ничего такого я...

— Не думал, что вы настолько высокого мнения обо мне. Это большая честь, — Юнь Мэнцзэ лучезарно улыбнулся. — Я только что переговорил с мистером Фэном. Он оказался довольно сговорчивым, и у меня уже сложилось первое представление о его состоянии. Когда буду составлять план терапии, обязательно обращусь к вам за советом, если потребуется.

— Ха-ха... — только и смог выдать Гао Шиань.

Юнь Мэнцзэ с улыбкой удалился. Гао Шиань уже занёс кулак, чтобы с досады свалить ближайшую стену, как вдруг зазвонил телефон. Звонила супруга с единственным вопросом: когда он наконец достанет для неё автограф Юнь Мэнцзэ?

Его благоверная была ярой фанаткой Юнь Мэнцзэ и пилила мужа этим вопросом уже не первый месяц. Гао Шиань постоянно кормил её «завтраками», чем навлекал на себя бурю гнева: казалось бы, работаешь с кумиром под одной крышей, а достать роспись не можешь! В итоге жёнушка заявила, что сама приедет в санаторий, лично попросит автограф, а заодно оценит рабочую обстановку мужа.

Гао Шиань в ужасе замахал руками в трубку, убеждая её, что вокруг одни психи и смотреть тут абсолютно не на что, а сам Юнь Мэнцзэ уехал на симпозиум по психиатрии и вернётся не скоро.

Дома-то он расписывал себя как лучшего специалиста клиники с наивысшим процентом выздоровлений, да ещё и как главного любимчика всего медперсонала. На деле же он не

являлся ни тем, ни другим. Появись благоверная на пороге — и его грандиозный обман тут же лопнет как мыльный пузырь.

Сбросив вызов, Гао Шиань едва не разразился слезами от безысходности:

— За что всё это?! Чем я хуже его?! Зачем небеса явили миру Шианя, коли уже сотворили Мэнцзэ?!

— Кто-то проигрывает ещё на старте, а вы, доктор Гао, судя по всему, проиграли на линии роста волос, — раздался за спиной весёлый голос доктора Бая.

Получив этот смертоносный удар под дых, Гао Шиань окончательно слетел с катушек:

— Да что ты понимаешь, сопляк?! Это высокий, благородный лоб мудреца!!!

Вернувшись в кабинет, Юнь Мэнцзэ скорректировал расписание, ещё раз перечитал историю болезни Фэн Дунъюэ и поднял отчёты. Из беседы с медсестрой из Зоны А выяснилось, что новый пациент отличался феноменальной дисциплиной: даже находясь в лечебнице, он строго следовал распорядку дня, правилам питания и физических нагрузок. Его жизнь расписывалась по минутам, а список увлечений состоял из работы и оригами. Развлечения? Работа и оригами. Способ скоротать время? Снова работа и опять оригами.

Настал день их первой официальной консультации. Распахнув дверь кабинета, Юнь Мэнцзэ ничуть не удивился, увидав слегка нахмуренного Фэн Дунъюэ.

Оборудование комнаты позволяло воссоздать любую обстановку, комфортную для пациента, и Фэн Дунъюэ выбрал строгий деловой кабинет. Восседа в кожаном кресле руководителя, он смерил вошедшего холодным взглядом:

— Разве у нас запланирована не беседа один на один?

— Именно так, — Юнь Мэнцзэ присел напротив. — Давайте познакомимся заново. Я ваш лечащий врач, Юнь Мэнцзэ.

Фэн Дунъюэ погрузился в молчание.

Юнь Мэнцзэ не стал ничего объяснять. Он ни разу не утверждал, будто сам является пациентом — Фэн Дунъюэ всё домыслил самостоятельно.

— Вы читали «Алису в Стране чудес»? — вдруг задал странный вопрос Фэн Дунъюэ.

Юнь Мэнцзэ кивнул:

— Читал.

Тогда Фэн Дунъюэ процитировал знаменитый диалог Чеширского кота и Алисы: «Мы все здесь сумасшедшие. Я сумасшедший. Ты сумасшедшая». — «Откуда вы знаете, что я сумасшедшая?» — спросила Алиса. «Иначе ты бы сюда не попала», — ответил Кот.

Настоящий гигант бизнеса остаётся гигантом во всём: он не способен ошибиться, а если и оступится, то обставит всё настолько изящно и глубокомысленно, что спасать лицо даже не придётся.

Юнь Мэнцзэ решил не заострять на этом внимания, намереваясь использовать первую встречу для налаживания контакта. Однако Фэн Дунъюэ замкнулся в себе и не изъявлял желания продолжать беседу. Он сидел неподвижной глыбой льда, подперев висок рукой, и в его облике сквозило раздражение пополам с глухой головной болью.

После бесконечной вереницы неудачных попыток лечения у пациентов часто развивалась защитная реакция и отторжение. Юнь Мэнцзэ ждал подобного исхода, поэтому не стал настаивать, а лишь кратко изложил дальнейший план терапевтических встреч, дабы дать Фэн Дунъюэ время привыкнуть.

— На сегодня, пожалуй, закончим, — проговорил Юнь Мэнцзэ, поднимаясь с места. — Если у вас возникнет желание пообщаться во внеучебное время — мои двери всегда открыты.

Он уже взялся за дверную ручку и потянул её на себя, как вдруг сзади протянулась мужская рука и со стуком хлопнула по дверному полотну, возвращая его на место.

— Господин Фэн? — Юнь Мэнцзэ удивлённо обернулся.

Прежде абсолютно каменное лицо собеседника тронула едва заметная усмешка. Ледяной взгляд сменился нескрываемой агрессией и властью. Каждое его движение буквально пропитал дешёвый пафос романтического романа: «Мужчина, тебе не уйти из моих цепких лап».

Зажав доктора в классический кабедон, Фэн Дунъюэ вальяжно проговорил:

— Собрался уходить? А разве я давал разрешение?

И в то же мгновение в голове Юнь Мэнцзэ прозвучал до боли знакомый электронный голос:

****[Цель для завоевания подтверждена. Просьба к хосту приложить максимум усилий для повышения уровня симпатии и успешного выполнения задания]****

<http://bllate.org/book/20119/1991963>